

КРЕСТЬЯНЕ И ГОРОД В ДОРЕФОРМЕННОЙ РОССИИ

П. Г. Рындзюнский

Исследование общего вопроса о путях становления капиталистических отношений в дореформенной России предполагает изучение процесса роста городов. Для феодальной формации характерен рост противоположности между городом и деревней. В ее начале главенствует деревня, налицо тогда «нерасчлененное единство города и деревни» и проникновение в город деревенских отношений; в конце — город противопоставит деревне и наблюдается проникновение в нее городских отношений¹.

В переходный период от феодализма к капитализму город и деревня стояли на разных ступенях общественного развития: в городе уже сложились более или менее зрелые капиталистические отношения; в деревне в основном еще господствовало крепостничество; элементы капитализма развивались здесь медленнее, чем в городе, режим феодального подчинения и общинные связи подавляли личную инициативу крестьянина.

Рост деревенских промыслов и развитие торговли приводили к постепенному ослаблению крепостнических связей, но только лишь утверждение крестьян, уходивших в города, в правах городского гражданства закрепляло их освобождение от крепостной зависимости. В этом нуждались все социальные категории выходцев из деревни: ремесленники и рабочие, мелкие товаропроизводители и мелкие торговцы, крупные промышленники и оптовые торговцы. В период становления капитализма в России городообразовательные процессы относились к числу важнейших прогрессивных явлений в народной жизни.

В условиях дореформенной России (здесь подразумевается время созревания предпосылок к падению крепостного права примерно с конца XVIII в.), когда крепостнические отношения переплетались с буржуазными, наблюдались еще случаи социального, экономического и административного подчинения города деревне, феодальному комплексу. Нередки были случаи, когда официальный город в торгово-промышленном отношении был менее развит, чем село, в том числе и находившееся в обладании помещика. Однако ведущая линия исторического процесса вела к обратному взаимоотношению: город приобретал главенство над деревней, и в его лице капитализм надвигался на патриархальную деревню; подготавливалась «быстрая, тяжелая, острая ломка всех старых «устоев» старой России»².

Преобладание капиталистического города над деревней сказывалось и в экономическом, и в политическом, и в интеллектуальном, и в других отношениях³. Противоположность города и деревни основывалась на эксплуатации деревни городом, разорении и экспроприации большинства крестьянства в ходе развития промышленности, торговли и кредита. «На этой почве, — писал И. В. Сталин, — возникло враждебное отношение деревни к городу и вообще к «городским людям»⁴. Развитие городов в условиях

¹ К. Маркс. Формы, предшествующие капиталистическому производству. Госполитиздат. 1940, стр. 13—14.

² В. И. Ленин. Соч. Т. 16, стр. 301.

³ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 2, стр. 207.

⁴ И. Сталин. Экономические проблемы социализма в СССР. Госполитиздат. 1952, стр. 25.

падения феодальной системы было не только результатом их внутреннего развития, но и результатом социально-экономических сдвигов в деревне и освободительной борьбы крестьян против крепостничества, показателем возравставшей гражданской активности народа.

Почти вся домарксистская историография отрицала наличие внутренних процессов, ведущих к образованию городов в России. Она распространяла антинаучные «теории» об общественной пассивности русского народа, якобы оказавшегося неспособным создать города общеевропейского типа⁵.

Эти искажающие действительность утверждения рассеяны трудами М. Н. Тихомирова, Б. А. Рыбакова, П. П. Смирнова и других в отношении раннефеодального города. Однако необходимая научно-критическая работа в отношении истории русского города XVIII—XIX вв. еще не сделана. Проблема взаимоотношения города и деревни объединяет многие частные вопросы истории русского города XVIII—XIX вв., она связывает историю города с общими вопросами социально-экономического развития и с историей народно-освободительного движения. Эта проблема включает в себя много обширных исследовательских вопросов. Данная статья посвящена конкретизации некоторых из них.

Исходным моментом в изучении процесса образования городов в дореформенной России должно быть критическое рассмотрение взгляда, будто «городское начало», торговля и промышленность, могло почти беспредельно развиваться в деревне, и поэтому выход крестьян в город не был якобы обусловлен глубокими стимулами и строгой закономерностью. Ряд фактов как будто бы подтверждает этот взгляд.

В последние десятилетия перед реформой многие помещичьи села по экономическому быту жителей не укладывались в обычные рамки сельской жизни. Общеизвестны примеры таких владельческих сел, как шереметевские Иваново, Павлово, Ворсма, как юсуповское Безводное или голицынская Сулость и т. д. Их промышленность развивалась по капиталистическому пути; развитие же промышленности стимулировало рост торговли. В селе Иваново в 1840-х годах было до 130 ситцевых «фабрик» и мануфактур; там вырабатывалось ситца на сумму до 8 млн. рублей в год и сосредоточивалось более 100 тысяч рабочих (из них до 5 тыс. приходивших со стороны). Иваново было и крупным торговым центром: в нем имелось в середине XIX в. 177 постоянных лавок, собирались базары, ежегодно происходила ярмарка⁶. Торговыми центрами были и другие промышленные села. Такая разносторонность экономического развития придавала этим селам видимость города.

В Московской губернии, писал в 1842 г. известный экономист Д. Протопопов, «есть селения, которым недостает только городского управления, чтобы носить заслуженное название города или посада»⁷. О том же с тревогой писали московские купцы (записка 1823 г.): «Селения тех помещиков, коих крестьяне наиболее занимаютя торговлею, по богатству и устройству своему превосходят многие города, а сии последние по упадку

⁵ В наибольшей степени подобная теория развита в статье М. Вебера «Город», вышедшей у нас отдельной книгой (П. 1923). Соответствующие высказывания можно найти на стр. 35, 111 и др. К сожалению, на некоторых советских историков эта книга оказала заметное влияние. Например, работы А. Яцевича о крестьянах в Петербурге написаны явно под ее воздействием (см. А. Яцевич. Крепостные в Петербурге. Л. 1933, стр. 7, 12 и др. и его же. Крепостной Петербург пушкинского времени. Л. 1937).

⁶ К. Н. Щенетов. Крепостное право в вотчинах Шереметевых (1708—1885). М. 1947, стр. 187, 192.

⁷ Д. Протопопов. О промыслах государственных крестьян Московской губернии. Журнал министерства государственных имуществ. 1843, ч. IV, кн. 2, стр. 225.

торговли граждан становятся беднее деревень»⁸. И по внешнему своему виду многие крупные торгово-промышленные села перепланировались и строились на городской лад⁹.

Помещики по-разному относились к уходу крестьян в города. Б. П. Юсупов, например, в своем тульском имении категорически запрещал дворовым отвозить детей в Москву для обучения ремеслу, повторяя обычные утверждения крепостников о развращающем влиянии города; он предпочитал, чтобы дети обучались ремеслам у своих отцов или, если уезжали, то не дальше губернского города, где изучали бы ремесла, нужные в деревне: кузнечное, слесарное, столярное и др. Но тот же помещик в других своих вотчинах, расположенных в промышленной полосе России, где крестьянский отход прочно укрепился, мирился с широким выходом крестьян из деревни и даже сам способствовал этому выходу.

Расширяющаяся практика сдачи помещиками в аренду различных «доходных статей», в частности мукомольных и крупяных мельниц, своим же крепостным крестьянам также напоминала порядки, типичные для города¹⁰.

Помещичье управление в торговых и промышленных «владельческих селах» воспринимало многие приемы городской администрации. В этом сказывалось отступление крепостных порядков перед растущим новым общественным укладом и погоня помещиков за тем, чтобы из всего, что только возможно, извлечь доход. Шереметев в своих промышленных вотчинах собирал, помимо оброка, еще так называемые «неокладные сборы», которые за время с 1814 по 1859 г. давали ему от 7 до 15% общей суммы дохода. Сюда входили: сборы за занятия ремеслом, за содержание разного рода заводов, за торговлю в домах и лавках; особенно выразительны поборы за впуск в дом на постой разного рода пришлых мастеров; сделки, совершаемые крестьянами, регистрировались, и за каждую запись бралась пошлина¹¹. Нетрудно видеть в таких поборах подражание городской системе налогов.

Стремясь повысить свои доходы, помещики поощряли те элементы в деревенской экономике, которые по тенденции своего развития стояли в противоречии с феодальной системой. В этом отношении показательны ходатайства помещиков Московской губернии, подававшиеся в канцелярию военного генерал-губернатора, о перенесении на территорию их владений местных торгов¹². Характерно, например, с каким упорством два помещика Серпуховского уезда, генерал-майор Васильчиков и Еропкин, добивались перевода к ним от соседних государственных крестьян торговых заведений, стоявших на бойком тракте Москва — Тула. После двухлетних тяжб помещики стали обладателями доходов от «рестораций», гостиниц, от «почтового станционного промысла» и еженедельной ярмарки¹³.

Пользуясь такими источниками дохода, которые приносили в поместья черты городской экономики, дворяне центральной промышленной по-

⁸ Центральный государственный исторический архив в Ленинграде (ШГИАЛ), ф. Департамента разных податей и сборов министерства финансов (ДРПС), оп. 5, д. 744, 1825—1831 гг., л. 67.

⁹ См. А. Г. Введенская. Из истории планировки русской деревни XVIII и первой половины XIX в. «Труды Государственного исторического музея», вып. XV. М. 1941, стр. 77—120.

¹⁰ См. К. В. Сивков. Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в России в первой половине XIX в. М. 1951, стр. 145; В. Кашин. Экономический быт и социальное расслоение крепостной деревни в XIX в. Журнал «Звезда». 1926. № 2, стр. 191—192; Е. И. Индова. Крепостное хозяйство в начале XIX века по материалам вотчинного архива Воронцовых. М. 1955, стр. 71, 102 и др.

¹¹ К. Н. Щепетов. Указ. соч., стр. 166—167.

¹² Московский областной государственный исторический архив (МОГИА), ф. Московского военного генерал-губернатора (МВГГ), д. 84550, л. 266; д. 84555, лл. 389—390; д. 855160, л. 1 и др.

¹³ Там же, д. 81550, лл. 546—698.

лосы шли по пути помещиков западных областей России, где «закрепощенный город» (местечко), изолированный от общегосударственного управления, был широко распространенным явлением.

Двойкий уклад жизни в закрепощенном местечке отличался резкими контрастами. Помещичий доход складывался из двух источников различного типа: барщинная работа крестьян сочеталась с чиншевыми сборами за дома и огороды, за наем лавок и аренду земли. Жители города Ошмянны, Виленской губернии, помимо денежных выплат арендаторше, несли разнообразные натуральные повинности «наравне с поселянами»¹⁴. Двойной гнет и хищническое хозяйничание весьма отрицательно сказывались на материальном положении обитателей и на благоустройстве «закрепощенного города». Обозреватель в 1840-х годах отмечал, что они представляли жалкую картину «бедности и запущения»¹⁵.

Таким образом, конкретный материал показывает, что крепостное поместье нередко вмещало вполне зрелые формы городской жизни. Это обстоятельство и порождало у современников и у последующих исследователей представление о возможности мирного сочетания торгово-промышленного развития с крепостническим режимом. Но, присматриваясь к внутренним отношениям в промысловом помещицком селе, мы заметим в нем постоянную и острую внутреннюю борьбу, обусловленную несоответствием между промысловым развитием деревни и закрепощенным положением крестьян. Можно наметить определенную закономерность возрастания крестьянской активности по мере развития крестьянских промыслов и упрочения связи крестьян с городом.

Именно об этом говорят результаты сравнительного рассмотрения классовой борьбы в промысловых селах Калужской губернии за 1810—1820-е годы. Так, в глухом лесном Жиздринском уезде, где деревообрабатывающий промысел стоял еще на ступени раздробленного мелкотоварного производства, прикованность крестьян к деревне и слабый контакт с городом снижали их активность в борьбе против произвола помещика. Возникшее здесь в 1817 г. движение направлялось против перевода помещиком прежнего денежного оброка на натуральный оброк и издельные повинности, что было чрезвычайно отяготительно для промыслового крестьянства. Но крестьяне, эксплуатировавшиеся дальним заезжим купцом, были прикованы к месту, и их безрезультатный протест не шел дальше прошений и жалоб.

Иное дело в западных частях губернии, где крестьяне целыми деревнями уходили на работу в пенькотрепальные заведения, большей частью в стародубские слободы. Движение крестьян в одной из деревень этого типа в Мосальском уезде, принадлежавшей помещику Воронцу, показало, что связь с городскими промыслами увеличила силы крестьян и они смогли сопротивляться местным властям и воинским частям в течение нескольких месяцев. Связь с городом наполнила новым содержанием традиционную форму антикрепостнической борьбы — бегство от помещика.

Третий тип промыслового села на большом торговом тракте представлен селом Беклемишевом, Мещовского уезда, принадлежавшим помещику Шишкину. Там большинство крестьян тоже уходило на работу в стародубские слободы, но в отличие от деревни Воронца и в самом Беклемишеве имелись крестьянские пенькообрабатывающие предприятия капиталистического типа, в которых эксплуатировались оставшиеся в селе крестьяне. Социальная структура такой деревни стала значительно сложнее, а антикрепостническая борьба, которую вели крестьяне против помещика, осложнилась борьбой между различными группировками внутри

¹⁴ ЦГИАЛ, ф. Хозяйственного департамента МВД (ХД МВД), оп. 39, д. 386. 1846 г. О доставлении административно-статистических сведений о местечках в России.

¹⁵ А. В. Каменский. Очерк местечек в губерниях Киевской и Подольской. Журнал Министерства внутренних дел. 1844, т. 8, стр. 18.

крестьянства. Связь отходников-беклемишевцев с городом имела примерно те же последствия, что и в селе Мосальского уезда. Но в отличие от Воронца помещик Шишкин сумел предпринять контрмеры: он заключил соглашение с одним из стародубских промышленников, который вынужден был наблюдать за поведением работавших у него крестьян из села Беклемишева. То был нередкий в те времена союз крепостника-помещика с городским капиталистом, направленный против крестьян-отходников.

Но отходники были одной из трех групп крестьян промыслового села; две другие группы по-своему также были связаны с городом. Крестьяне-предприниматели держали в своих руках помещика тем, что уплачивали оброк за немалую часть односельчан. Эти крестьянские богатеи фактически получили право беспрепятственно уходить из села в город, иногда даже не уведомляя об этом помещика. Некоторые из крестьян-капиталистов имели в уездном городе Мещовске своих дочерей-купчих, которым они переводили денежные сбережения и вели через них расчеты по торговле и промыслам. Учитывая выгоды от наличия дочери, полноправной горожанки, богатые крестьяне боролись против насильственных браков их дочерей с крепостными крестьянами. Некоторые крестьяне-предприниматели с помощью своих родственниц-купчих получали освобождение и переселялись в город.

Крестьяне села Беклемишева, совершенно разоренные помещиком и капиталистами-предпринимателями, объединялись с такими же крестьянами из других вотчин для борьбы против своих классовых врагов. Местом их сосредоточения были пригородные слободы города Боровска, в частности слобода Рошинская, входившая одно время в черту города; там крестьяне укрывались и встречались друг с другом в течение продолжительного времени.

Хозяйственная воля помещика в этих условиях была совсем парализована, все усилия его могли направляться лишь на обеспечение денежной ренты, которую он с трудом получал от своего беспокойного села¹⁶.

Остановимся еще на двух случаях крестьянского движения в Подмосковье, где влияние большого промышленного города сказывалось с особой четкостью. Принадлежавшие помещику И. П. Трубецкому села Никольское и Гальяново с деревнями Абрамцево и Лукино (всего 120 дворов) отстояли менее чем на 10 верст от Москвы и входили в район интенсивно развивавшейся текстильной промышленности Москвы и Богородска. Крестьяне, несмотря на сравнительно большое наделение землей, занимались не сельским хозяйством, а «ткацким ремеслом». Остальные работали на купеческом кирпичном заводе в Москве или подвозили в город строительный камень. В каждом селении имелись ткацкие светелки. Промышленники покрупнее имели «фабричные производства», иногда по 20—30 станов. Крестьяне-ткачи работали на московских промышленников, образуя в целом известную лестницу зависимости, характерную для системы рассредоточенной капиталистической мануфактуры.

Причастность крестьянина к городским промыслам относительно повышала его материальное благосостояние. Поэтому повышенный оброк в 100 руб. с тягла (повидимому, ассигнациями, на серебро—около 27 руб.) долгое время безропотно уплачивался крестьянами. Однако к 1823 г. их доходы от ткацкого промысла заметно упали. Крестьяне стали недодавать

¹⁶ Подробнее об этом см. в моей работе «Крестьянское антикрепостническое движение в промысловых селах (по материалам Калужской губернии)» (печатается в трудах Государственного исторического музея) и в статье «Расслоение крестьянства и классовая борьба в крепостной вотчине в 20-х годах XIX в.» («Исторические записки». 1938. Т. 4). См. также статью М. В. Фехнер в том же томе трудов Государственного исторического музея «К истории экономической дифференциации крепостного крестьянства (село Зяблицкий погост, Владимирской губернии)».

оборочную сумму. Начался конфликт. Крестьяне протестовали против необычайно большого оброка и заявили о своей свободе от помещика. В Петербург был послан ходок с соответствующим прошением, а в селе Никольском была созвана большая сходка, где все крестьяне поклялись, «чтоб как в свободе, которую ожидают, так и в наказаниях ответственность всем заодно». Более полутора лет, до апреля 1825 г., крестьяне держались очень стойко, несмотря на уговоры помещика и отдачу многих крестьян под арест и в рекруты, несмотря на тяжелый воинский постой и экзекуции.

Интересна история переговоров помещика с крестьянами, в которой раскрывается главная суть конфликта.

Сам Трубецкой признал обременительность оброка и предлагал иные формы отношений с крестьянами, которые лицемерно объявлял более легкими. Прежде всего он предложил заменить оброк изделием (барщиной). Крестьяне решительно отказались и заявили в ответ, что будут платить оброк «по мере возможности». Но это не устраивало помещика.

Отказываясь от барщины, крестьяне ссылались на то, что они привычны не к сельским работам, а к промышленному труду. Тогда Трубецкой предложил крестьянам поступить рабочими на отстроенную им суконную «фабрику», которую он сдавал в аренду. Своим предложением помещик стремился, во-первых, расторгнуть нежелательную для него связь крестьян с городом по их промыслам, во-вторых, гарантировать поступление денежного оброка в установленном размере. Дело в том, что арендатор «фабрики» обязался принимать на работу только крестьян Трубецкого и гарантировать им минимальный заработок: ткачу 25 руб., пряже — 16, мальчикам и девочкам до 12 лет — 5 рублей.

Несмотря на страшную нужду, крестьяне отказались и от этого «благоденствия» Трубецкого. Они заявили, что «на своих фабриках вырабатывают более прописной суммы» и что лучше будут оброк платить попрежнему, чем работать на суконной «фабрике» помещика.

Затея помещика провалилась, но идея отторжения крестьян от свободных городских промыслов, от капиталистической промышленности, от относительно свободного рынка рабочей силы повторилась в других, также не осуществившихся проектах умиротворения крестьян.

Для того, чтобы сломить сопротивление крестьян, был увеличен воинский постой, который вконец разорял крестьян и заставлял их собирать подавание по окрестным местам.

В апреле 1825 г. старейшие в семействах подписали клятву о послушании помещику. Но тогда в селах Трубецкого на месте было лишь две трети его крестьян. Семьдесят семь человек с семействами скрывалось, как думало воинское начальство, в Москве. Если кого-нибудь из них удавалось словить, то пойманный, несмотря на письменное обещание покориться, при удобном случае вновь бежал из деревни.

Все крестьяне за срок до первого января 1825 г. освобождались от податей, и помещик обещал в будущем брать лишь умеренный оброк. Как видим, крестьяне в этом случае победили: требование, выдвинутое ими в начале выступления, было удовлетворено.

В основе конфликта крестьян со своим владельцем лежало столкновение двух тенденций в развитии промышленной деревни. С одной стороны, крепкая связь с городом, сформировавшиеся капиталистические отношения, относительная личная свобода крестьянина; с другой — стремление замкнуть крестьян в пределах крепостной вотчины, сделать их труд в промышленности фактически подневольным и закрепить «опеку» помещика над крестьянином. За первый путь боролись крестьяне, второй путь навязывал им помещик.

Дело о возмущении крестьян Трубецкого содержит сведения о непосредственном участии городских людей в этом движении. Один из горо-

жан составил крестьянам жалобу, в Москве многие крестьяне находили себе убежище, а во время массовой расправы в селе там находились пришедшие из города люди, которые подбадривали крестьян и помогали им укрыться¹⁷.

Весьма характерны события, происходившие в деревне Фрязино, Богородского уезда, принадлежавшей в 1840-х годах помещице Шевич. Крепостные крестьяне этой деревни, братья Гулины, владели фарфорово-фаянсовым заводом. К началу 1840-х годов они уже освободились от крепостной зависимости и стали купцами 3-й гильдии города Богородска, но завод их находился на территории закрепощенной деревни, и братья фактически жили на старом месте. «Они очень богаты, но живут до сих пор по-крестьянски в избах», — доносил чиновник вышестоящим властям.

Так внутри крепостной деревни из недавних зависимых крестьян сложился круг людей, не подвластных феодалу. Самым тревожным для властей было большое влияние, какое оказывали заводчики на своих рабочих, крестьян той же деревни Фрязино.

Деньги в уплату недоимок и оброка с работавших крестьян вотчинное начальство получало прямо от заводчиков. Этот способ расчета приводил к тому, что деньги, которые при иных экономических условиях могли бы послужить возрастанию богатства капиталиста, ускользали в руки помещика. Именно поэтому Гулины подстрекали крестьян к борьбе за снижение оброка. Не удивительно, что эти призывы привлекали крестьян и рабочих Фрязина на сторону Гулиных. Схватки Гулиных с сельскими властями и управляющим именем носили самый острый характер и дошли до публичного избияния управляющего, причем присутствовавшие крестьяне и рабочие одобряли действия Гулиных, которых охраняло и богатство и «городское звание». Учинив расправу над управляющим, Гулины удалились в город Богородск, где, как доносили чиновники, сам исправник находился от них в зависимости¹⁸.

Существенной отличительной чертой крестьянского движения в промысловой деревне являлось то, что это движение становилось, в сущности, постоянным и приводило не к безусловной победе помещика, а обычно к соглашению, уступкам помещика, потому что за крестьянами стояла сила экономического развития. Крепостные люди боролись за выход в город или за утверждение связи с ним. Со своей стороны, в ряде случаев «городские люди» стимулировали крестьянское движение и в некоторых отношениях помогали ему.

Стремилась в город или к укреплению связи с ним все разряды крестьян промысловой деревни. Основную часть потока составляли крестьяне, рассчитывавшие найти в городе применение своей рабочей силе, или те, кто шел туда для сбыта продуктов, произведенных в своем неустойчивом, мелком хозяйстве. О массовости движения крестьян в город свидетельствует как численность людей, записывавшихся в адресных учреждениях столиц (соответствующие цифры приведены ниже), так и количество выдаваемых паспортов.

Выход крестьянина в город на длительный срок и тем более на постоянную работу был связан с большими для него осложнениями, он часто вызывал конфликты с односельчанами, с сельскими властями, с помещиком. Нередко это был самовольный уход, разрывающий крепостнические отношения. Выходец из деревни был беден и бесправен. Важно выяснить, что встречало крестьянина в городе в дореформенное время.

¹⁷ МОГИА, ф. МВГГ, д. 83180, 1823—1825 гг. О неповиновении крестьян князю Трубецкому.

¹⁸ Музей г. Ростова-Ярославского. Бумаги Титова № 2346. Копия дела Канцелярии Московского военного генерал-губернатора о буйствах в деревне Фрязиной. 1842 г., лл. 130—133.

Переплетение социального и сословного деления затрудняет анализ статистических данных о городском населении. Считать ли горожанами тех бывших крестьян, которые фактически жили в городе длительного срока, или только тех, которые уже успели оформиться в соответствующем сословном звании? В последнее время исследователи больше склоняются к тому, чтобы считать горожанами крестьян, фактически давно живших в городе, по материалам полицейских записей. В этом сказывается вполне оправданная реакция на формально-юридический подход прежних буржуазных исследователей. Однако, учитывая реальное экономическое значение, какое в то время имело сословное деление, думается, что исследователю следует изучать и сословные показатели.

По данным 1858 г., люди, принадлежавшие к сельским сословиям, в числе городского населения составляли 20,2%¹⁹. Объясняя этот довольно высокий процент, А. Бушен указывал на быстрое развитие городских промыслов, втягивавших крестьян в городскую жизнь. Получается, что присутствие большого количества крестьян в городе — лишь только показатель прогрессивных сдвигов. Думается, что такое объяснение одностороннее. По данным, включенным в работу А. Г. Рашина, видно, что большинство губерний, в которых процент крестьян в городах был особенно высок, не относилось к промышленной полосе России. В Харьковской губернии, где этот процент наибольший (54,48), преимущественным занятием жителей уездных городов было земледелие. Сам же Харьков был крупным торговым, а не промышленным центром. Присутствие в городах некоторых губерний большого числа крестьян не может объясняться одной причиной. В одних случаях имело место интенсивное втягивание крестьян в городскую жизнь под влиянием развития торговли и промыслов, в других — замедленность экономического развития тормозила дифференциацию города и деревни, наличие большого числа крестьян в них было остаточным явлением.

В наших обычных представлениях вольнонаемный рабочий городской промышленности — это прежде всего крестьянин-отходник. Однако если таково было положение в двух столицах, то в других городах дело обстояло иначе. Например, на «фабриках» и «заводах» Саратова в 1830 г. насчитывалось рабочих из горожан 455 (63,8%), из иных свободных состояний 190 (26,6%), из крестьян 69 (9,6%) — всего 714 (100%)²⁰.

Как видим, в Саратове крестьяне в качестве наемной рабочей силы занимали скромное место. Аналогичны сведения по Ярославской губернии²¹. Они показывают, что по губернии в целом крестьяне-рабочие составляли несколько больше половины всех работников в промышленности, но это происходило за счет Ярославля, в уездных же городах преобладали выходцы из так называемых «свободных состояний». Тянувшаяся из деревни к промышленному труду рабочая сила концентрировалась преимущественно в крупных городах. Там скорее можно было найти работу, легче укрыться от полиции и соглядатаев помещика; там и заработки были выше. Ежемесячная плата вольнонаемным рабочим в уездных городах Ярославской губернии колебалась в пределах 4—15 руб., в губернском городе — 10—22 рублей.

В московской адресной конторе в 1810-х годах записывалось ежегодно от 8 до 87 тыс. человек, в 1820-х — 69—95 тыс., в 1830-х — 83—130 тыс., в 1840-х — 132—136 тыс. человек. В Петербурге ежегодная запись в адресной экспедиции в 1840-х годах достигала 150 тыс., в том числе

¹⁹ См. А. Г. Рашина. Динамика численности и процессы формирования городского населения России в XIX — начале XX в. «Исторические записки». Т. 34. 1950, стр. 61.

²⁰ Рукописное отделение Государственной публичной библиотеки имени Салтыкова-Щедрина (Ленинград). Сборник F-IV, № 611.

²¹ Там же, Сборник F-IV, № 580.

120 тыс. по отделению чернорабочих. В Одессе предполагаемое число людей, подлежащих записи ежегодно, определялось в 16 тыс. человек при 70 тыс. постоянного населения города; в Харькове — до 12 тыс. при 30 тыс. постоянных жителей, в Воронеже — 2 176 при 44 тыс. постоянных жителей²². Для правильного понимания приведенных цифр следует напомнить, что регистрации не подлежали крестьяне, приходившие в город лишь на один — два летних месяца, а таких отходников было едва ли не большинство.

В то время жизненные процессы размывали сословные разграничения, дворянское правительство всячески старалось их сохранить. Регистрация новопришельцев в город в адресных конторах и экспедициях формально была всесословной, но эта запись более всего имела в виду крестьян, продававших в городе свою рабочую силу. Регистрацию в адресных учреждениях правящие круги ценили в первую очередь не как источник доходов, а как способ, по выражению министра внутренних дел, «управлять кочевой массой людей».

В поисках лучших средств полицейского воздействия на низшие разряды регистрируемых правительство пошло на отмену отрицательных аттестаций в адресных билетах. Но взамен вводились другие, тяжелые для наемных работников меры. Экспедициям поручалось вести кондуктные списки «провинившихся», на билетах при их возобновлении отмечалось число мест, сменных работником, и т. д. Последнее правило ставило нанимавшегося в особенно трудные условия: на отрицательную аттестацию он как-то мог реагировать, вплоть до подачи жалобы в полицейские органы (потому-то эти аттестации и были отменены), а на запись в билете числа сменных мест, которое часто обуславливалось произволом хозяев, владелец билета никак не мог жаловаться.

Срок для подыскания работы в городе давался небольшой, а билеты не выдавались лицам, не подыскавшим себе наемщика. Таким образом, после того, как ценой многих лишений крестьянину удавалось вырваться из деревни, он в период устройства на работу мог быть выслан обратно. Записывавшийся в адресной конторе отдавал взамен получаемого им адресного билета свой плакатный паспорт, который там хранился до официального оформления ухода из города. Вот это-то обстоятельство и ценилось властями. «По паспорту путь открыт всюду,— писал министр внутренних дел в своем представлении государственному совету,— тогда как с билетом адресного установления нельзя уйти далее городской черты»²³. Так отходник крепостнически вновь приковывался к определенному месту. Обычное правило, что крупный предприниматель сам уплачивал адресный сбор за рабочего, усиливало зависимость последнего от капиталиста.

В мелкой городской промышленности крестьянство было представлено очень широко, главным образом как зависимая рабочая сила. По ведомости 1844 г. о составе ремесленных цехов Петербурга работники и ученики (самих мастеров в ведомости нет) распределялись следующим образом: крепостного состояния — 16 689 (64,1%), свободного состояния — 9 384 (35,9%)²⁴.

Крестьяне, приходившие в крупный город для занятия ремеслом, по закону подлежали включению в цеховую организацию, но попадали они не в число полноправных членов цеха, так называемых вечно-цеховых, а во временно-цеховые. В этом последнем разряде ремесленников кре-

²² ЦГИАЛ, ф. ХД МВД, оп. 175, д. 57, 1842 г. О преобразовании Московской конторы адресов, л. 160; д. 201, 1844 г. Об обращении делопроизводства СПб адресной экспедиции и о преобразовании адресной части, лл. 30—33; д. 52, 1842 г. Об учреждении адресной экспедиции в Одессе, лл. 32, 48—50; д. 55, 1842 г. Об учреждении адресной экспедиции в г. Харькове, лл. 24—25; д. 188, 1843 г. Об учреждении в г. Воронеже адресной конторы, л. 6.

²³ Там же, д. 58, 1842 г. О преобразовании СПб конторы адресов, л. 46.

²⁴ Там же, д. 193.

стьяне преобладали. Например, в Петербурге в начале 1840-х годов из 24 703 временно-цеховых ремесленников 15 043 были по сословному положению крестьянами²⁵.

Неоднократные ревизии цехов в Петербурге, Риге, Москве и других городах давали картину глубокого разложения цехового строя и злоупотреблений со стороны цеховой верхушки. При обследовании петербургской российской ремесленной управы в 1842 г. выяснилось, что последняя беззастенчиво обирала временно-цеховых, то есть преимущественно крестьян-ремесленников, причем их обкрадывали не только главы цеховой организации, но и рядовые вечно-цеховые мастера, полноправные горожане-ремесленники. «Суммою с временных мастеров, собираемой в значительном числе,— записано в материалах обследования,— оплачивают повинности за вечных мастеров, не только за престарелых, увечных или обедневших, но даже за весьма состоятельных. За подобными мастерами числится недоимка по несколько лет, и старшины не обращают на нее никакого внимания, надеясь, что им есть возможность заплатить подати в казну за вечных ремесленников из сборов, поступающих с временных»²⁶.

Главы цеховых организаций умышленно отказывали прибывшим в записи во временно-цеховые, а потом преследовали их как незаконно промышлявших в городе до тех пор, пока те не откупались от такого преследования. С крестьянина таким путем вымогали по 10—20 руб. ассигнациями и собранные суммы делили без остатка между ремесленной головой, старшинами и их товарищами.

Притесняли крестьян-ремесленников в городе и другими путями. Относясь снисходительно к нарушению правил, регламентировавших производство в отношении себя, вечно-цеховые и главы цеха строго требовали выполнения этих правил временно-цеховыми.

Несправедливость в отношении других категорий выходцев из села — крестьян-торговцев и нецеховых промышленников — была официально закреплена в гильдейском постановлении 1824 года. Оно углубило различие между городом и деревней, еще больше экономически подчинило деревню городу. И после того как под давлением общественного протеста наиболее кричащие проявления сословной несправедливости были отменены, все еще сохранялось резкое неравенство для крестьян и горожан в отношении регламентации и обложения промыслов²⁷. Учитывая тяжелое положение, в которое был поставлен «торгующий крестьянин», легко понять, почему количество выбранных крестьянских торговых свидетелей хотя и росло, но не быстро и главным образом за счет низших их разрядов²⁸. Число взятых свидетелей на право торгующего крестьянина составило в 1830 г. 4 027, в 1835 г.— 5 043, в 1840 г.— 5 660, в 1845 г.— 6 921, в 1850 г.— 7 482²⁹.

Жизненная практика повседневно показывала противоречивость положения «торгующего крестьянина» и его экономическую неполноценность (как, впрочем, и других разрядов крестьян, допущенных в город, но не причисленных к его гражданству). Законодательные меры, предпринятые для уравнивания положения крестьянской и городской буржуазии, были немногочисленны и непоследовательны. Таковы, например, указы от

²⁵ Там же, д. 92, 1842 г. Об обревизовании СПб Рос. рем. управы, л. 44.

²⁶ Там же, лл. 22—23.

²⁷ Подробнее см. в моей статье «Гильдейская реформа Канкрин 1824 года». «Исторические записки». Т. 40. 1952.

²⁸ Первые три рода свидетелей давали соответственно права трех купеческих гильдий (разумеется, права лишь промысловые), четвертый род — права мещанина (вначале права «торгующего мещанина»), пятый и шестой — охватывали мельчайшие крестьянские промыслы, они были отменены на второй год применения постановления.

²⁹ Статистические данные о числе торговых свидетелей взяты из государственных окладных книг, хранящихся в ЦГИАЛ, ф. Департамента разных податей и сборов, оп. 9.

23 ноября 1827 г. и от 29 марта 1848 г., разрешавшие государственным и удельным крестьянам владеть домами в городах³⁰. В результате появилась новая промежуточная и очень противоречивая по своему правовому положению прослойка крестьян — городских домовладельцев. Для проживания в своем доме они должны были получать «виды» от волостных правлений, а для взятия торгового свидетельства — попрежнему паспорт. Отправляя подати и повинности по своему сословному званию, они по домовладению должны были нести повинности и «городского обывателя», причем самые тяжелые — от легких и почетных служб в городе по выборам крестьяне-домовладельцы отстранялись. Сословный принцип не нарушался и в судебной сфере: дела об имуществе крестьян в городах (как и горожан в селах) решались в общем присутствии уездного суда с магистратом, хотя в самом законе признавалась бесцельность и крайняя обременительность такой системы³¹.

В первой половине XIX в. произошли довольно значительные изменения в процедуре приписки крестьян к городским сословиям. В 1824 г., наконец, пала старая система приписки, давно вызывавшая осуждение даже в правящих кругах, по которой переходящий в город крестьянин должен был платить по двум сословным званиям до следующей ревизии³². В 1832 г. изменился порядок вступления крестьян в права городского гражданства. Указ от 22 декабря 1832 г., с одной стороны, упростил вхождение государственных крестьян в городское гражданство, но, с другой стороны, оставил такое тяжелое обязательство для переходящего крестьянина, как представление шести поручителей³³. Закон, следовательно, открывал двери в общество полноправных горожан главным образом лишь зажиточной верхушке государственных крестьян; он закреплял тот порядок, когда утверждающийся в городе крестьянин одновременно попадал в кабалу к богатым горожанам: поручительство обычно давалось не даром.

Вместе с тем правительство во второй половине XIX в. не забыло и о том значении города как своеобразной тюрьмы, какое ему усиленно придавали еще в XVIII веке. Ряд промежуточных прослоек, своевольный быт которых очень беспокоил правительство, оно приказывало приписывать к городам в обязательном порядке, без испрашивания согласия городского общества³⁴. Для части этих людей, как, например, для так называемых выходцев из-за границы (бежавших в давние времена русских людей, главным образом крестьян, вернувшихся потом на родину), сохранялся варварский средневековый способ приписки — отдача в «рабочие люди»³⁵.

В целом следует сказать, что официальный порядок вступления в город на правах ли постоянного и полноправного гражданина или на правах временного, иносословного пришельца для крестьянина был очень тяжел. Не очень радовали и перспективы дальнейшего пребывания в городе: они могли быть приемлемы лишь для зажиточной части крестьянства. Это обстоятельство не могло не отражаться на динамике численности городских сословий, на числе вступающих в эти сословия крестьян.

³⁰ Второе полное собрание законов (ВПСЗ). Т. II, № 1559, указ от 23 ноября 1827 г.; т. XXIII, № 22144, указ от 29 марта 1848 года.

³¹ ВПСЗ. Т. XXIX, отд. I, № 27956, указ от 22 февраля 1854 года.

³² Полное собрание законов (первое) (ПСЗ) Т. XXXIX, № 30120, указ от 17 ноября 1824 года.

³³ ВПСЗ. Т. VII, № 5842.

³⁴ Таким образом приписывались: шляхтичи на Украине, в Литве и Белоруссии, не доказавшие своей принадлежности к дворянству, выморочные крестьяне и дворовые люди, отчужденные от помещичьего владения, которых не принимают сельские общества. См. Свод законов Российской империи. Изд. 1857 г. Т. IX. Законы о состояниях, ст. 462.

³⁵ Там же, ст. 431.

К сожалению, окладные книги (этими источниками мы здесь и пользуемся) не позволяют с точностью выяснить, сколько в городские сословия перешло податных душ из государственных крестьян. Данные о переходе помещичьих крестьян более точны. За время с 1826 по 1851 г. их вошло в городские сословия около 66 тыс. душ (в купцы 14 тыс. и в мещане 52 тыс.), государственных крестьян — приблизительно 726 тыс.; всего крестьян обоих разрядов вступило за эти 25 лет около 792 тыс. ревизских душ. Поясним, что далеко не все лица, выходящие из крепостного состояния, выбирали себе городское звание, так как оно не всегда казалось им более привлекательным, чем звание «свободного сельского обывателя», то есть государственного крестьянина. За время с 1826 по 1843 г. из помещичьих крестьян вышло на свободу 70 333 ревизских души и из них лишь немного более половины, а именно 38 243, вступило в ряды городского гражданства³⁶.

Возникает вопрос: освобождался ли помещичий крестьянин, ушедший в город, от непосредственной «опеки» со стороны своего владельца? Нет, или, во всяком случае, освобождался далеко не всегда. В городах, где в изрядном числе скапливались крестьяне, действовали вотчинные конторы или старосты³⁷, осуществлявшие помещичий контроль над отходниками. Надзор за крестьянами нередко передавался помещиком городскому предпринимателю, как это было сделано, например, в отношении крестьян-отходников из села Беклемишева, Калужской губернии, о чем говорилось выше.

Эксплуатация крестьянина-отходника городской буржуазией и продолжавшаяся в городе зависимость крестьянина от помещика существенно сказывались на материальном благополучии, характере и направлении промысловой деятельности отходника.

Был еще третий фактор, действовавший в том же направлении, — сословная неполноправность крестьянина, его двойственное положение полукрестьянина-полугорожанина. Сословные ограничения для выходцев из села по мере развития промышленности и торговли становились все более нетерпимыми. Приведенный выше материал частично показывает, в чем состояли эти ограничения. Причина их усиления ясна: слабеющая власть помещиков над крестьянами восполнялась ее эквивалентом — сословной неполноправностью крестьянина³⁸. Сословное законодательство направлялось на укрепление устаревающих производственных отношений. Встречающийся в нашей научной литературе взгляд на сословные ограничения как на ограничения формально-юридические и лишенные интереса для исследователя-историка совершенно несостоятелен; такой подход мешает выявлению конкретных проявлений общественных противоречий в период существования классов-сословий³⁹.

³⁶ ЦГИАЛ, ф. ДРПС, оп. 5, д. 820, 1844 г. О состоянии государственной окладной книги с 1826 по 1843 год.

³⁷ Отрицательное влияние помещичьего надзора за крестьянами-отходниками хорошо показано в исследовании Л. Б. Генкина «Помещичьи крестьяне Ярославской и Костромской губерний перед реформой и во время реформы 1861 года (К вопросу о разложении феодально-крепостнической системы и генезисе капитализма в России)». Т. I («Ученые записки» Ярославского государственного педагогического института имени Ушинского. Вып. XII—XXII. Ярославль, 1947, стр. 125—133).

³⁸ В. И. Ленин отмечал, что как крепостное состояние, так и сословная неполноправность крестьянина выражают собою один факт — свойственное феодальной системе внешнеэкономическое принуждение — и отличаются друг от друга лишь как различные формы и степени одного и того же явления (см. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 159).

³⁹ Такая неправильная трактовка проявилась, например, в рецензии П. И. Лященко на книгу И. В. Мещалина «Текстильная промышленность крестьян Московской губернии в XVIII и первой половине XIX века». Учет сословной принадлежности владельцев текстильных предприятий рассматривается в рецензии как «важный методологический дефект» книги (см. журнал «Советская книга». 1950, № 8). Недооценка реального значения сословных разграничений сказалась и в том, какое малое место занимает история сословного строя в учебниках для вузов по истории СССР.

В итоге надо отметить, что переход крестьянина на положение «торгующего крестьянина» или крестьянина-домовладельца и еще в большей степени переход в разряд полноправных граждан в порядке, установленном законом, давал известные преимущества выходцу из деревни. Он означал полное или частичное расторжение крепостной зависимости и способствовал закреплению за выходцами из деревни права собственности. Но этот переход был недоступен для огромной массы крестьян; крепостнические порядки наложили сильнейший отпечаток на узаконенную форму перехода крестьян в город. Не удивительно, что крестьяне часто предпочитали переходить в городские сословия иными, незаконными путями. Отсюда следует, что при рассмотрении формирования городского населения в период распада феодально-крепостнического строя нельзя не коснуться вопроса о самовольном приходе крестьян в города.

Бегство крестьян из деревень без ведома и разрешения властей и дальнейшее их устройство в городе, разумеется, считалось противозаконным действием, но оно так широко было распространено, что правительство не могло с ним не считаться. Одним из районов, куда направлялся поток беглых, были южные губернии России, так называемая Новороссия. Устройство в этих краях беглых на постоянное жительство частично допускалось правительством. Успехи заселения южных степей не могли не оказывать самого благотворного влияния на городскую жизнь края. Развивались и интенсивнее использовались его производительные силы, углублялись и ширились социальные процессы, и все это становилось крепкой основой для роста городов. Быстрые темпы роста городов Южной России⁴⁰ были следствием специфических черт хозяйственного уклада южных и юго-восточных окраин, как районов внутренней колонизации с ослабленным крепостническим режимом. Этот пример с особой ясностью говорит, что не правительственная «гороδοустроительная политика», а народная активность с заключенным в ней антикрепостническим началом была главным источником городского развития.

В южных городах беглым пришельцам удавалось иногда переходить и в законное городское гражданство. Как показывали расследования, там практиковался среди местных чиновников своеобразный промысел приписки к городу.

Насколько велик был приток беглых людей к южным городам, видно по сведениям из отчетов градоначальств о поимке беспаспортных людей, хотя приведенные там данные и неполны. В Одессе с 1849 по 1852 г. было поймано 4 527 человек. В каждом из трех городов таганрогского градоначальства в то же время изловлено от 454 до 542 беглых. Такие «скромные» цифры, как признавалось местное начальство, — результат слабости полицейского надзора. В таком же примерно количестве ловили беглых и «бродяг» в Измаиле⁴¹.

Если в южных районах крестьянам приходилось «завоевывать» город, то в центральной промышленной полосе дело обстояло несколько по-другому: там город в какой-то мере иногда сам притягивал к себе крестьян и в ряде случаев помогал им в нем закрепиться.

Развитие капиталистической промышленности являлось главнейшим фактором горообразования; в центральной-промышленной полосе России во второй четверти XIX в. были провозглашены городами ряд населенных мест с интенсивным развитием промышленности и торговли, которые

⁴⁰ За время с 1811 по 1863 г. все городское население России выросло в 2,2 раза, в то же время гор. Николаев увеличил свое население в 15,4, Одесса — в 10,8, Самара — в 7,8, Ростов-на-Дону — в 7,3, Симферополь — в 6,8 раза. А. Г. Рашин. Указ. соч., стр. 35.

⁴¹ ЦГИАЛ, ф. Совета министров внутренних дел, оп. 5, д. 35, 1853 г., л. 12: д. 67, 1850 г., л. 15—15 об.; оп. 4, д. 72, 1843 г., л. 8.

впоследствии вполне оправдали свое новое звание. В числе новых городов были: Сухиничи в Калужской губернии (с 1840 г.), Павлов посад в Московской губернии (с 1844 г.), Вознесенский посад при селе Иваново во Владимирской губернии (с 1853 г.), в той же губернии в 1848 г. удельная слобода Ярополчъ вошла в состав города Вязники, частью которого, по существу, она давно являлась, а в 1858 г. подобную же перемену пережили адмиралтейские слободы Охты в Петербурге.

Из соответствующих делопроизводств видно, что при этих переменах правительство заботилось не столько о последующем экономическом развитии этих торгово-промышленных центров, сколько об обеспечении усиленного полицейского надзора за их населением. Власти были обеспокоены пестротой его состава как по месту происхождения, так и по сословной принадлежности жителей. Самыми резкими чертами обрисовывал своевольный быт жителей села Вохны с деревнями чиновник, посланный туда в связи с переименованием этой местности в Павлов посад. Возбуждая ходатайство об учреждении города в Вознесенской слободе, владимирский губернатор ссылаясь на то, что власти в селе Иваново бессильны управлять «огромной массой народа», которая стекается сюда из разных мест, в том числе «слишком 15 тысяч народа фабричного, более других склонного к беспорядкам». Губернатор указывал, что не только крестьяне, работавшие в промышленных заведениях, но купцы и фабриканты были приписаны к самым разным городам⁴².

Растущий промышленно-капиталистический город территориально обосновывался большей частью на таких землях, которые фактически выпадали из системы феодального землевладения. Чаще всего это были как бы «ничейные» земли, находившиеся на стыке городской и сельской территории, в том числе так называемые выгонные земли городов, почти повсюду остававшиеся без присмотра. Отрыв от местной администрации и от «своего» помещика путем перемещения в дальние места и возможность обосноваться на территории, в значительной мере свободной от полицейско-фискального надзора, создавали предпосылки к тому, что крестьяне, приходившие для работы в промышленный город, получали там на более или менее длительный срок хотя бы относительное освобождение от крепостнических связей. Дело обычно завершали деньги капиталиста, который в случае заинтересованности в рабочей силе почти всегда мог заключить с властями тайную сделку.

Современная постановка вопроса о промышленном перевороте в России заставляет на нем несколько остановиться. Промышленный переворот даже в начальных своих стадиях должен был бы определенно и глубоко сказаться на горообразовательных процессах, но материал источников не дает соответствующей картины. Возникновение фабричного производства в дореформенное время отразилось на социальной жизни городов, но только лишь в некоторых из них, в качестве пока еще локально ограниченного явления.

Полнее всего начавшийся новый период в промышленном развитии сказался на столичных городах⁴³. Здесь развилось своеобразное общественное движение, которое своим социально-экономическим содержанием с наибольшей полнотой и отчетливостью отразило социальные процессы, сопутствовавшие начальным этапам становления промышленно-капиталистического города. Речь идет о движении старообрядцев-федосеевцев. В нем с особой четкостью проявилось взаимодействие между городской промышленной буржуазией и приходящими в город крестьянами. Выходцы из деревни долго не теряли надежды на то, чтобы утвердиться в городе

⁴² ЦГИАЛ, ф. ДПИ МВД, оп. 9, д. 136, 1845 г., лл. 1—4.

⁴³ О Петербурге см. обстоятельную статью В. К. Яценского «Роль Петербурга в промышленном развитии дореволюционной России». «Вопросы истории». 1954, № 9, стр 95—103. О Москве — см. «История Москвы». Т. III. М. 1954, гл. 4—7.

в качестве самостоятельных товаропроизводителей, оформить себя в рядах полноправных горожан, найти в городе пристанище и сносные источники существования, с другой стороны, промышленники-капиталисты эксплуататорских целях поддерживали эти иллюзии и использовали оринизацию федосеевцев как средство для мобилизации и приращения к питалов. В истории московской общины федосеевцев четко выделяют два периода. Первый — примерно до начала 40-х годов XIX в., когда промышленная буржуазия была еще передовой силой в общественном развитии. Община вела сравнительно энергичную деятельность по устройству в городе выходцев из деревни, она давала им пристанище, помогала укрываться от полицейского надзора, переводила нелегальным путем в городское гражданство, давала денежный кредит на очень льготных условиях и пр. Во втором периоде промышленно-капиталистические круги, возглавлявшие общину, чрезвычайно сузили ее прежние прогрессивные функции и вскоре совсем отказались от поддержки старообрядческой организации перейдя к активному сотрудничеству с дворянским государством⁴⁴. Вместе с тем в движении странников («бегунов»), отколовшемся от федосеевского движения, если откинуть его внешнюю религиозную оболочку, очень ясно слышен прозвучал протест против капиталистического города и всего капиталистического строя и выявилось «враждебное отношение деревни к городу и вообще к «городским людям».

Так, в наиболее передовых центрах страны уже в дореформенное время в самих горообразованием процессах сказались общественные противоречия, свойственные капиталистической эпохе.

В настоящей статье кратко изложены основные результаты исследовательской работы лишь по некоторым вопросам обширной темы, названной в заголовке статьи. Материал показывает, что учет этих еще мало изученных сторон общественной жизни в дореформенной России конкретизирует и уточняет наши представления о классовых противоречиях и освободительном движении в первой половине XIX века. Выясняется, что в общем потоке крестьянского антикрепостнического движения можно выделить особую струю — стремление крестьян утвердить свои связи с городом, чтобы упрочить тем самым свою относительную экономическую самостоятельность. Политика дворянского правительства, в основном согласующаяся со стремлением верхушки городской буржуазии, имела целью подавить развитие капиталистических промыслов. Она направлялась на усиление сословных ограничений для крестьян, затруднявших их утверждение в городе.

При таких условиях процесс горообразования в основном шел не по узаконенному пути. Развитие капиталистического города в период становления капитализма не могло не иметь разрушительных последствий для всей системы феодальных отношений и уже в ту эпоху приводило к появлению противоречий между городом и деревней, свойственных буржуазному строю.

⁴⁴ Подробнее см. в моей статье «Старообрядческая организация в условиях развития промышленного капитализма» в сборнике «Вопросы истории религии и атеизма». М. 1950.